

Цивилизационный нарратив и философское образование в высшей школе

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-112-121

Кузнецов Никита Всеволодович – д-р филос. наук, доцент, nikita2554@mail.ru
Соколов Алексей Михайлович, д-р филос. наук, доцент, docentsokolov@yandex.ru
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

***Аннотация.** Авторы статьи исходят из постулата, что философское мышление представляет собой высшую форму человеческой активности. Поэтому любой род занятий человека может быть понят в подлинности его содержания только в горизонте философской мысли. Именно на это должно быть ориентировано философское образование специалистов вне зависимости от направления их деятельности. В статье анализируется решающая роль философской мысли в становлении самосознания буржуазного общества. Авторы утверждают, что его успехи были предопределены разработкой новых форм коммуникации, способствующих конструированию нового измерения человеческого бытия и предполагающих новые виды его освоения. Вытеснение философии на периферию духовного производства свидетельствует об угасании творческой инициативы у буржуазии. В заключение авторы обращаются к опыту советского образования как попытке дальнейшего развития цивилизационного нарратива европейской цивилизации, рассматривая причины его успехов и неудач. По мысли авторов, с одной стороны, наличие философии в качестве обязательного элемента системы высшего образования в СССР свидетельствовало о творческом потенциале новой цивилизационной инициативы, а с другой – эта философия не достигла достаточной степени зрелости, чтобы соответствовать уровню развития общества.*

***Ключевые слова:** высшая школа, философское образование, цивилизационная инициатива, цивилизационный нарратив, субъект истории, коммуникация, буржуазное общество, советское образование*

***Для цитирования:** Кузнецов Н.В., Соколов А.М. Цивилизационный нарратив и философское образование в высшей школе // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 2. С. 112-121. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-112-121*

Civilizational Narrative and Philosophy at Higher Education Institutions

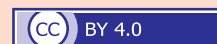
Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-112-121

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Кузнецов Н.В., Соколов А.М., 2021.

Nikita V. Kuznetsov – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., nikita2554@mail.ru
Alexey M. Sokolov – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., docentsokolov@yandex.ru
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Address: 7-9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract. The authors proceed from the postulate that philosophical thinking is the highest form of human activity, integrating all other types of human activity as its elements. Hence, any occupation of a person can be understood in the authenticity of its content only in the horizon of philosophical thought. This is what the philosophical education of specialists should be focused on, regardless of the direction of their activities. The article analyzes the decisive role of philosophical thought in the formation of self-consciousness of bourgeois society. The authors argue that its success was predetermined by the development of new forms of communication that contributed to the discovery of a new dimension of human existence, involving new types of its development. The displacement of philosophy to the periphery of spiritual production indicates the extinction of creative initiative among the bourgeoisie. In conclusion, the authors turn to the experience of Soviet education as an attempt to further develop the civilizational narrative of European civilization, considering the reasons for its successes and failures. According to the authors, on the one hand, the presence of philosophy as a mandatory element of the higher education system in the USSR testified to the creative potential of the new civilizational initiative; on the other hand, this philosophy has not reached a sufficient degree of maturity to correspond to the level of Soviet society development.

Keywords: philosophical education, civilizational initiative, civilizational narrative, subject of history, communication, bourgeois society, Soviet education

Cite as: Kuznetsov, N.V., Sokolov, A.M. (2021). Civilizational Narrative and Philosophy at Higher Education Institutions. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 2, pp. 112-121, doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-112-121 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение: постановка проблемы

Для всех уже очевидно, что в 2020 г. человечество «наконец-то» совершило окончательный переход к новому технологическому укладу и, стало быть, вышло на очередной уровень цивилизационного развития. Это событие само по себе предполагает тщательное систематическое осмысление, и это, несомненно, будет сделано. Впрочем, отчасти оно уже делалось и делается в контексте происходящих и в предвосхищении грядущих трансформаций и потрясений. Мы же в своей статье хотели бы сосредоточить внимание на проблеме концептуализации нового типа субъективности, который гарантирует устойчивость и продуктивность цивилизационного развития человечества, и проблеме модернизации образовательной стратегии, без осуществления которой актуализация такой субъективности невозможна. Обращаясь к этой теме, мы исходим

из четырёх постулатов. Согласно первому нынешняя система образования, реализуемая в разных модальностях во всём мире, является необходимым элементом структуры современной буржуазной цивилизации, достигшей сегодня глобального масштаба в формате цифровой коммуникации. Согласно второму постулату данная образовательная система, изначально сочетавшая в себе принципы научно-философского универсализма и научно-технической дисциплинарности, уже несколько десятилетий пребывает в состоянии постоянно усугубляющегося кризиса, который, в свою очередь, выступает проявлением цивилизационного нарратива буржуазного мироустройства. Третий конституирует философское мышление как высшую форму активности человека и предполагает безусловное присутствие в образовательных программах высшей школы дисциплин, представляющих философский

уровень понимания предметов и форм профессиональной деятельности выпускников вузов. Исходя из этих постулатов, мы поставимся проанализировать причины кризисного состояния современного образования в контексте цивилизационного нарратива буржуазного мироустройства. Далее мы попытаемся выявить конструктивные тенденции потенциально возможной образовательной стратегии, опирающейся на универсальное (т.е. философское) истолкование проблем, актуальных для различных (специальных) сфер деятельности людей.

Дискуссия о статусе философии в отечественной высшей школе идёт с 1990-х годов. В начале двухтысячных годов она получила развитие на страницах журнала «Высшее образование в России». Идеи, высказанные С.А. Лебедевым [1], В.В. Мироновым [2], В.Н. Порусом [3], М.Г. Руткевичем [4], легли в основу многих размышлений, посвящённых проблеме места философии в структуре современного образования. И вот что характерно: почти все авторы отмечают странное положение, в которое общественное мнение пытается поставить философию, вынуждая её к самооправданию [5, с. 1734]. Может даже сложиться впечатление, что это своеобразное отношение к философии стало традиционным. Но с ним никак не может согласиться сама философия. Ведь она исходит из своего априорного первенства в научно-образовательном процессе, из своего наивысшего положения в иерархии светской учёности. А пренебрежительное отношение к философии может быть объяснено тем, что субъект исторического развития, по инерции ещё претендующий на ведущую роль, уже утратил цивилизационную инициативу и не способен адекватно оценивать её ценностные ориентиры. Именно поэтому сегодня перед философской мыслью открывается обширнейшее проблемное поле концептуализации нового типа субъективности, который гарантировал бы устойчивость и продуктивность цивилизационного развития человечества. А это, в первую очередь,

предполагает способность универсально-адекватного отношения ко всему, что составляет содержание мира.

Философская мысль в ценностном горизонте буржуазной цивилизации

Сразу оговоримся: наряду с признанием того, что человечество в целом является субъектом исторического процесса, следует различать цивилизационную модальность последнего. Это следует понимать так, что на каждом этапе своего поступательного движения человечество выдвигает в качестве авангардного «отряда» ту или иную общность, действующую в контексте соответствующего цивилизационного нарратива. Гегелевский взгляд на историю обнаружил локально-хронологическую преемственность исторического лидерства, что позволило достаточно точно определить, кто, где и как играет первостепенную роль в обустройстве мира. Собственно, на Гегеле и закончилась та история, которая могла быть изложена в топографической ретроспективе. Общеизвестно, что пафос гегелевского учения состоял в обосновании тезиса о торжестве абсолютного духа, исторически реализовавшего себя в формате гражданского общества и правового государства. Гражданское, или буржуазное, общество, по мысли немецкого классика, завершало объективное самоопределение мировой идеи, которая теперь могла только расширять своё содержание просветительскими усилиями германского духа. Гегель был прав – в том смысле, что «зафиксировал» «момент» созревания подлинного исторического субъекта, каковым явилась буржуазия в качестве тотальной актуализации интеллектуально-волевого начала в бытии.

Буржуазия была первым и пока последним субъектом истории как человеческого измерения бытия. Она предъявила себя как самоорганизующаяся общность самостоятельных индивидов, претворяющих стихийное естество в динамическую гармонию технического производства. Промышлен-

ность, гражданские свободы, правовое государство, наука – всё это было создано интеллектуально-волевыми усилиями общества, которое первоначально уничтожительно называли «третьим сословием». И это «сословие» стало классом буржуазии только потому, что им были открыты и утверждены ранее невиданные и неведомые формы деятельности и управления, формы коммуникации, положившие начало новой цивилизационной инициативе.

Буржуа, как никто ранее, не умозрительно декларировал, а практически демонстрировал, что человек – сущность особого рода, сущность, определяющая мир, о котором только и возможно вести речь всерьёз. Строго говоря, буржуа утвердил мир как бытие, упорядоченное человеком. Любая вещь в нём вещает о себе языком самодетельного человека-буржуа, точнее говоря – языком, с которым *родилось* существо нового типа в его отношении с внешней стихией. С помощью специфического языка это самодетельное существо связывает стихию, иначе говоря, улавливает её – стихии – сущности, понуждая её сообщать ему своё потаённое содержание. Но откуда у этого нового существа такая способность – заставлять природную стихию со-вещаться с ним? Может быть, его изначальная исключительная коммуникативность, или общительность, поставили его в исключительное отношение к тому, что он находит вокруг себя? Наверное, так, только это новое существо, имя которому буржуа, как самодетельный индивид изначально нашло и находит себя в непосредственном отношении к себе подобному существу. Для него общение есть его неотъемлемое, фундаментальное свойство, выражающееся, во-первых, в опознании всеми индивидами, – правда, с разной степенью интенсивности, – своей изначальной неразрывной соотнесённости с другими индивидами. А во-вторых – в их совместном о-со-знании того, что всё окружающее готово к общению в ожидании тех, кто приступит к нему с вопрошанием. Проблема, таким образом, состоит

в том, чтобы найти тот язык, мера которого будет соответствовать мере вещей.

Где же находится, т.е. находит себя такой язык? Ответ, кажется, прост: он всегда находится в человеке. Кто, кроме него, обладает способностью ловить словами сущее, утверждая его как настоящую, стоящую действительность? «Так случилось», что человек занимает центральное место в бытии. И это связано именно с тем, что он единственный, кто непосредственно состоит в безусловном взаимодействии с другим: вначале с подобным себе (человеком), в едином акте опознавая собственное тождество и различие с другим. После – с принципиально иным, принципиально отличным от него и потому «ожидającym» включения в поле первичного *взаимо-действия*, словом улавливающим, а значит – связывающим, разнообразное сущее в единство мира. Да, «так случилось», но то, что *это* случилось, доподлинно стало известно только человеку Нового времени, предпринимателю, капиталисту.

На протяжении всей своей истории человечество так или иначе приходило к осознанию такого положения дел. Но только в Новое время был открыт и утверждён принцип самодетельности человека, не вызывающего о помощи ни к Богу, ни к богам, ни к космическому Логосу. Буржуа Нового времени стал тем существом, которое научилось все ответы находить либо в себе самом, либо в своём ближнем. Договор из простого механизма взаимодействия превратился в генератор новых возможностей: знаний, умений, способов воздействия на предметы вокруг и внутри себя. Другими словами, именно потому, что буржуа стал тем, кто научился доверять в первую очередь себе и тому, кто ему равен, в межличностном общении видя источник знаний, информационное пространство стало разрастаться со стремительной скоростью.

Подчеркнём, что вся новоевропейская философия, по сути, явилась своего рода манифестацией буржуазного самосознания. В философских системах – от Спинозы и

Гоббса до Гегеля включительно – артикулировались принципы мироустроительной деятельности, начинающейся познанием и завершающейся политическим строительством. Можно сказать, что философия определила и в наивысшей степени выразила нарратив буржуазной цивилизации. Но вот что интересно: воспитанное философией, победившее в теоретическом и практическом противостоянии старый сословный режим, буржуазное самосознание стало постепенно и последовательно вытеснять из своего ценностного поля тотальной прагматики умозрительные обобщения философии. Таким образом, философия, выполнив в очередной раз свою цивилизационную задачу, была отодвинута на периферию духовного производства, превратившись в более или менее изысканную форму интеллектуального развлечения. Показательно, что в западной системе образования философию преподают (если преподают вообще) в средней школе, лишь знакомя с ней, не претендуя на то, чтобы привить навыки философского мышления [2, с. 68]. Проблемная философия, а ведь только такой она и может быть, в образовательном пространстве теперь мало кого интересует. Исключение составляет разве что эпистемология в аналитической интерпретации.

В сложившейся ситуации нет ничего удивительного. Буржуазное самосознание есть интегральное выражение буржуазного способа производства в самом широком смысле слова – от промышленного до духовного. А его энергетический источник находится в принципе перманентно усугубляющейся специализации, без которой невозможны ни конкуренция, ни повышение нормы прибыли. Стало быть, не случайно упор делается на «углублённое» изучение всё более сужаемых сегментов действительности. Стало быть, нет и быть не может места обобщениям, которые по определению противоречат принципам и целевым установкам буржуазного мироустройства.

И всё же нет никакого резона сетовать на то, что в современном мире торжеству-

ет тенденция всё большей специализации хозяйственной, научной, а следовательно, и образовательной деятельности. Какие бы тенденции ни отражали характер цивилизационного развития, любой род деятельности не может не превосходить отчётливым пониманием того, каково его место в переустраиваемом им мире и каково место результатов этой деятельности. И здесь узкой, пусть даже самой высокой квалификации будет недостаточно. Сама по себе узкая специализация – это выражение не более чем ремесленного уровня деятельности и образования. Такой уровень был оправдан во времена сосуществования локальных (от древнеиндийской до греко-римской) цивилизаций, состоявших из относительно самостоятельных полисных центров. Но даже в тот период высшие формы производства были ничем иным, как обобщением соответствующего цивилизационного опыта, раскрывающим его ценностно-смысловое содержание. И сегодня мы с уверенностью можем говорить, что в истории вечностью сохранено только то, что было произведено в состоянии высочайшего интеллектуально-экзистенциального переживания ценностно-смысловых ориентиров той или иной эпохи.

«Цифровой капитализм»

и кризис образовательной системы

В настоящее время основная цивилизационная проблема разворачивается не столько в горизонте экономических, идеологических или экологических парадигм, сколько в противоречии между ценностными установками буржуазной цивилизации и способами их реализации, с одной стороны, и теми задачами, которые перед ней встают, с другой. В самом деле, буржуазно-капиталистическая система к настоящему моменту достигла в своём развитии глобального масштаба, причём «глобальность» относится не только к пространственной характеристике. Глобальность капитализма захватывает действительность во всей её полноте. Капиталистическое производство, или капитал, «добывается

полного подчинения общества своему режиму, в глобальном масштабе уничтожая все альтернативные пути развития» [6, с. 322]. Так называемая цифровизация есть не что иное, как закономерный этап развития принципов рациональной организации и управления капиталистического производства и контроля жизни общества и отдельного человека. «Цифровое общество представляет собой особую, качественно своеобразную стадию капитализма [7, с. 20]. Тем не менее оно «не является автоматическим упразднением капитализма, оно представляет собой, в сущности, цифровой капитализм» [7, с. 20].

Налицо фундаментальное противоречие: с одной стороны, – всё более усугубляющаяся специализация, с другой – тенденция тотального участия в глобальных процессах регулирования и управления ими. Но как может управлять глобальными процессами узкий специалист? Буржуазная концепция менеджмента, правда, исходит из возможности «производства» особого класса управленцев – «компетентных менеджеров». Однако опыт последних десятилетий указывает на ошибочность подобной организационной установки. Управление компетентных менеджеров «эффективно» только при условии изрядного производственного потенциала, наработанного профессионалами широкого профиля. И это утверждение правомерно не только по отношению к тому, что произошло и отчасти происходит в нашей стране. В самых передовых странах западного мира мы сегодня можем наблюдать то же самое. Расцвет капитализма был обеспечен усилиями не компетентных менеджеров, а профессионалов, деятельность которых была мотивирована отнюдь не только стремлением получить повышенную прибыль. Капитализм, как известно, изначально имел в себе изрядную долю гуманизма, т.е. рационально переосмысленного христианства. По всей видимости, именно это обстоятельство позволяло его передовым представителям принимать компетентные решения. В конце концов, буржуазный мир – это не

только рыночное производство и правовое государство. Не менее важное место в нём занимают и социальные институты, включая университет – его основной образовательный институт. Ведь именно университет был призван решить проблему продуктивного сочетания специального и универсального образования, обеспечившего тотальность цивилизационной коммуникации. Нельзя здесь не вспомнить М. Вебера, который ещё сто лет назад обратил внимание на недопустимость нарушения этого принципа [8].

В одной из своих статей В.В. Мионов [9] показал, что самая большая трудность, с которой столкнулось человечество и в которую оно всё больше погружается с момента вступления в шестой технологический уклад, состоит в том, что люди стремительно утрачивают способность самостоятельно принимать решения. А это чревато самой настоящей гуманитарной катастрофой, которая почти наверняка поставит крест если не на человечестве вообще, то на нашей цивилизации. Дело в том, «что нарастание скорости изменений, связанных с новейшими технологиями, выступает важнейшим фактором доминирования неопределённости и непредсказуемости, а значит, и опасности случайного выбора траектории развития [9, с. 11]. Это во многом обусловлено тем, у «субъекта, оперирующего большими данными, формируется в значительной степени иной тип мышления, в основе которого лежит количество и корреляция разнообразных массивов информации, а истина отступает на второй план, уступая место ссылкам на формы количественного подтверждения или отрицания [9, с. 7].

Очень точно подмечено. Но возникает закономерный вопрос: а впервые ли человечество оказывается в подобной ситуации? Ответ очевиден: нет. Даже в достаточно хорошо нам известной истории западного мира подобную ситуацию мы находим по крайней мере трижды. Предпоследний раз это случилось на заре промышленной революции, положившей начало тому миропо-

рядку, который сохраняется до сих пор. А перед этим – в эпоху утверждения и распространения христианства. А хронологически первое и исторически достоверное событие подобного рода предвосхитило эпоху эллинизма и было ознаменовано возникновением философии как универсальной и систематической формы знания.

Что объединяет эти столь разные эпохи, кроме того, что они являются периодами развития единого цивилизационного процесса? Революционные преобразования в сфере коммуникации, которые, в свою очередь, были связаны с открытием новых измерений бытия. В первом случае мы имеем дело с открытием собственно человеческого мира. Во втором случае был открыт внутренний мир человека, мир, не сводимый к внешним, космическим детерминациям. Наконец, в Новое время в глубинах человеческого духа была открыта «чистая» рациональность, перед которой абсолютно поновому в своей неопределённой бесконечности распахнулся некогда совершенный Универсум.

Как часто мы сегодня задумываемся над тем, насколько новаторскими были диалогические симпозиумы Платона, предканонические диспуты первых вселенских соборов христианской церкви? Чуть-чуть ближе нашему пониманию связь между развитием книгопечатания, науки и промышленности. Но можем ли мы хотя бы приблизительно представить себе тот драматизм, порой достигавший трагических высот (Дж. Бруно, Т. Мор), которым сопровождалось наступление современной эпохи?

Вовлечённые в тяготы всеобщей цифровизации, мы, по сути, вступили на путь разработки не просто новых методик и даже не методологий. Мы приступили к поиску или формированию нового языка. Виртуальное измерение, а именно ему соответствуют нарождающиеся цифровые технологии организации, регулирования и управления, представляет собой более глубокий уровень духовной структуры бытия. И следовательно,

оно требует соответствующих «паролей», открывающих пути к его истинным горизонтам, а не обманчивым тупикам. Но необходимые «пароли» есть не что иное, как слова, с помощью которых мы улавливаем сущность вновь открывшегося измерения. И слова эти возникают только в процессе живой коммуникации, взаимодействия между людьми, интуитивно опознающими очертания элементов («вещей») данного измерения. Таким образом, речь идёт не просто о появлении новых форм коммуникации и управления. Речь идёт о нашей способности адекватного оценивания происходящих процессов и принятия компетентных решений.

Выше уже было сказано, что характер кризиса, принявшего глобальный масштаб, с высокой степенью вероятности позволяет допустить, что язык буржуазно-капиталистических отношений не знает паролей для проникновения в сферу виртуальных сущностей. Не стоит забывать, что «виртуальность» происходит от латинского *virtus*, т.е. добродетель, что у римлян изначально предполагало высочайшую гражданскую самоотдачу во имя политического целого – полиса или империи. Нынешний предприниматель в лучшем случае способен опознавать и отстаивать корпоративные интересы, оставаясь слепым по отношению к проблемам общечеловеческим. Социальная действительность как бы «оказывается немой»... То есть «для многих явлений общественной жизни в пропагандистском аппарате не находится соответствующих категорий» [10, с. 111]. Вот почему мы не можем рассчитывать ещё на один цивилизационный прорыв буржуазии. Но тогда на что мы можем рассчитывать? Как ни странно, на свой собственный исторический опыт.

Исторический опыт России и альтернативные стратегии высшей школы

В своё время В.И. Ленин говорил о необходимости научить каждую кухарку управлять государством. Само собой, эта архисложная задача не была решена. Однако усилия, на-

правленные на её решение, активировали духовный потенциал нашего народа, благодаря которому в короткие сроки удалось сформировать слой компетентных управленцев, выведших страну из полной разрухи в ряд самых передовых мировых держав. И это стало возможным по следующей причине. Время революционных преобразований в нашей стране столетие назад совпало со сменой одного технологического уклада на другой, что требовало выработки и внедрения принципиально новых методов организации и управления общественными процессами. И как бы сегодня нам это ни казалось странным, первостепенное место здесь отводилось не просто образованию, а ценностному воспитанию. Технологии можно импортировать. А вот без внятной мотивировки ни одна деятельность не может быть по-настоящему продуктивной. Вместе с тем система ценностей, представленная как некий манящий горизонт мира, теснейшим образом связана с фундаментальными основаниями бытия, которые в каждую эпоху открываются по-своему и осуществляют ранее неведомые формы деятельности, проявляющие ранее небывалые формы сущего. Руководители социалистического государства интуитивно уловили зарождающийся настрой нового мира, поняв, что его устойчивость будет обеспечиваться вовлечением предельно широких слоёв населения в советские органы государственного управления. И потому вопрос об образовании был первым вынесен на повестку дня. Мы хорошо знаем про результаты, которые были достигнуты в первые десятилетия советской власти: всеобщая, почти стопроцентная грамотность, повсеместное создание общеобразовательных школ и фабрично-заводских училищ. При этом огромное внимание уделялось идейно-политическому воспитанию. В нём, конечно, было не так много философского содержания, но азы целостного мировоззрения оно давало, иначе к началу сороковых годов из разобщённой революцией и гражданской войной людской массы не мог бы сложиться

единый народ, победивший во Второй мировой войне.

Второй этап социалистического строительства, опирающегося на принципы советской политической организации, был связан с полномасштабным развитием высшей школы, которая решительным образом отличалась от западных образцов именно наличием в программах обучения изрядной доли философии. К сожалению, до сих пор не проанализирована связь достижений, совершённых в нашей стране с 1950 по 1980 гг. прошлого века, с особенностями обучения в советских вузах. Было бы нелепо думать, что годовые курсы диалектического и исторического материализма препятствовали массовому появлению высококлассных специалистов, создавших новые отрасли: ракетно- и авиастроение, атомную энергетику, нефте- и газодобычу, станкостроение и радиоэлектронику.

Правда, были совершены и ошибки, связанные именно с «цивилизационной неопытностью». В самом деле, опыт социалистического строительства впервые с XVII в. частично вывел нас из-под влияния западной цивилизации. Именно частично. Точнее – в практике осуществления целевых установок, во многом заимствованных, но усвоенных уже на особый лад. В этой частичности и кроется противоречие, не опознанное и потому не разрешённое теоретически неисклёбленными строителями нового общества. Философская мысль в нашей стране была чрезмерно увлечена всё теми же западными проблемами. Критикуя ошибки своих исторических оппонентов и пренебрегая собственными, она оперировала преимущественно аксиомами, которые сама жизнь зачастую уже превратила в догмы. Вот почему советская философия к 50-летию социалистической революции из мощнейшей мировоззренческой доктрины выродилась в заурядную и скучную псевдообразовательную дисциплину. В то же время западная мысль всё-таки сумела довести до логического завершения стратегию буржуазного

жизнеустроения, подготовив «почву» для перехода человечества в ту фазу развития, в которой амбиции тотального управления сущим были бы подкреплены компетенциями универсального образования. Другими словами, самосознание буржуазной цивилизации привело нас к пониманию того, что тотальность управления предполагает универсальность и всеобщность образования. И нам остаётся это теоретическое понимание реализовать на практике.

Заключение: дело философии и высшая профессиональная деятельность

Именно поэтому в завершение мы опять возвращаемся к тезису, что только философский уровень мышления представляет собой форму деятельности, которая интегрирует в себе все прочие виды активности людей как её элементы. Любой род занятий человека может быть понят в подлинности его содержания только в горизонте философской мысли. Следовательно, не только подготовка высококвалифицированного специалиста, но и воспитание полноценного гражданина не могут осуществляться вне философской доминанты, культивируемой высшей школой. Ведь «философское дело – это возведение каждого интереса к всеобщности» [5, с. 1741]. Философское дело – это раскрытие в каждом присущей ему критической способности [5, с. 1741], без которой невозможно уяснить себе ограниченности, ничтожности «специализированного» понимания действительности. И в этом смысле мы не можем не внять призыву В.М. Розина: учить нужно не столько знаниям, сколько «мышлению и способам деятельности». В курсах преподавания философии имеет смысл не столько пересказывать основные философские системы и взгляды крупных философов, сколько «вводить в реальность философской мысли и работы», «ориентировать студента в ментальном пространстве философии» [11, с. 1741]. Возможно, тогда мы приблизимся к желаемой цели: появлению гражданина, способного на ответ-

ственное творчество в любых сферах общественной жизни.

Литература

1. Лебедев С.А. Плюрализм и фундаментальность // Высшее образование в России. 2002. № 1. С. 59–66.
2. Миронов В.В. «Деидеологизация» – новая идеология? (О месте философии в образовании) // Высшее образование в России. 2002. № 1. С. 67–73.
3. Порус В.Н. О кризисе вузовской философии // Высшее образование в России. 2003. № 2. С. 114–120.
4. Руткевич М.Г. «Плоды деидеологизации»: о гуманитарной подготовке молодых учёных // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 138–142.
5. Шитовалова Л.В. Современная идея Университета и возможная легитимация философии // Философия и культура. 2015. № 11 (95). С. 1734–1741. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.11.16373
6. Хардт М., Незгри А. Империя / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.
7. Дудник С.И. Отчуждение в цифровом обществе // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 17–20. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-17-20>
8. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
9. Миронов В.В. Платон и современная пещера big-data // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 4–24. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.101>
10. Быстрова Я.В. Дудник С.И. Учение В.И. Ленина о демократии и предпосылки сталинской модернизации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 1. С. 105–114. DOI: 10.25991/VRHGA.2020.19.1.004
11. Розин В.М. Становление новой образовательной формации // NB: Педагогика и просвещение. 2013. № 1. С. 1–43. DOI: 10.7256/2306-4188.2013.1.6445.

Статья поступила в редакцию 28.12.20

После доработки 09.01.21

Принята к публикации 19.01.21

References

1. Lebedev, S.A. (2002). [Pluralism and the Fundamental Nature]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 1, pp. 59-66. (In Russ.).
2. Mironov, V.V. (2002). [Is «Deideologization» A New Ideology? (On the Place of Philosophy in Education)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 1, pp. 67-73. (In Russ.).
3. Porus, V.N. (2003). [On the Crisis of University Philosophy]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 2, pp. 114-120. (In Russ.).
4. Rutkevich, M.G. (2002). [«The Fruits of Deideologization»: On the Humanitarian Training of Young Scientists]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 6, pp. 138-142. (In Russ.).
5. Shipovalova, L.V. (2015). Modern Idea of the University and Possible Legitimation of Philosophy. *Filosofia i kultura = Philosophy and Culture*. No. 11 (95), pp. 1734-1741, doi: 10.7256/1999-2793.2015.11.16373 (In Russ., abstract in Eng.).
6. Hardt, M., Negri, A. (2000). *Imperia*. Harvard University Press, 496 p. ISBN 9780674006713. (Russian translation by Yu. Filippov, Eds: Kamenskaya, G.V., Fetisov, M.S. Moscow: Praxis, 2004, 440 p.)
7. Dudnik, S.I. (2020). Alienation in Digital Society. *Voprosy filosofii*. No. 3, pp. 17-20, doi: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-17-20> (In Russ., abstract in Eng.).
8. Weber, M. (1922). 'Wissenschaft als Beruf. In: *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, 1922, pp. 524-55. (Russian translation: Weber, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress, pp. 707-735.)
9. Mironov, V.V. (2019). Plato and the Modern Cave of Big-Data. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya = Vestnik of St. Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. Vol. 35, no. 1, pp. 4-24, doi: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.101> (In Russ., abstract in Eng.).
10. Bystrova, Ya.V., Dudnik, S.I. (2020). V.I. Lenin's Doctrine of Democracy and Backgrounds of Stalin Modernization. *Vestnik Russkoi khristsianskoi gumanitarnoi akademii = Review of the Christian Academy for the Humanities*. Vol. 21, no. 1, pp. 105-114, doi: 10.25991/VRH-GA.2020.19.1.004 (In Russ., abstract in Eng.).
11. Rozin, V.M. (2013). Development of a New Educational Formation. *NB: Pedagogika i prosveshchenie* [Pedagogy and Enlightenment]. No. 1, pp. 1-43, doi: 10.7256/2306-4188.2013.1.6445 (In Russ., abstract in Eng.).

The paper was submitted 28.12.20
Received after reworking 09.01.21
Accepted for publication 19.01.21